

УДК 811,161.1'37

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-58-69

СЛОВО «САМЫЙ» КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ

Сяоли Сунь

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. sunxiaoli_smile@163.com

SPIN-код: 7842-5088

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2319-7398>

ResearcherID: ABH-7428-2020

Статья поступила в редакцию 19.01.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сунь Сяоли. Слово «самый» как факультативный компонент русских устойчивых сочетаний // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 58–69. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-58-69

Please cite this article in English as:

Sun Xiaoli. Slovo “samyj” kak fakul'tativnyy komponent russkikh ustoychivykh sochetaniy [The Word “Samyj” as an Optional Component of Russian Set Expressions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 58–69. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-58-69 (In Russ.)

В статье рассматриваются особенности функционирования слова *самый* как факультативного компонента русских устойчивых сочетаний (УС). Сравнение различных словарей иногда выявляет разницу в описаниях как отдельных слов, так и устойчивых сочетаний. Например, факультативный компонент УС, зафиксированный в одном словаре, не оставляет никаких следов в другом, ср.: *попадать/попасть в (самую) жилку* во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» – *попадать/попасть в жилку* в МАС. Нередко словарные дефиниции устойчивого сочетания не согласуются с его реальным употреблением в устной речи. УС может употребляться в разговорной речи как в полном, так и в неполном составе, т. е. в одних случаях какой-то компонент опускается, в других – сохраняется. Многие УС со словом *самый*, содержащиеся в словарях, вообще не используются или редко используются в повседневной речи или имеют формы, отличные от тех, что зафиксированы в словарях. В настоящем исследовании проведена проверка факультативности компонента *самый* в устойчивых словосочетаниях в современном русском языке и речи, и инструментом для такой проверки стали МАС и устный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Устный подкорпус НКРЯ включает в себя расшифровки публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов («имитацию устной речи»), но в фокусе данного исследования находится бытовая устная речь. Качественный и количественный анализ материала используется в настоящей статье независимо и одновременно для сбора и интерпретации данных. Когнитивный подход к исследованию языковой единицы *самый* как факультативного компонента устойчивых сочетаний может способствовать созданию лексикографического портрета слова *самый* в русском языке/речи.

Ключевые слова: русская устная речь; устойчивое сочетание; факультативный компонент; форма-идиома; фразеологизм; грамматикализация; идиоматизация; слово-интенсификатор.

Введение

Слово *самый* в русском языке относится к разряду определительных местоимений [МАС 1988: 25–26], или местоименных определительных прилагательных [Русская грамматика, т. I,

1980: 542]. Грамматики отмечают специфику значения подобных единиц, они «обозначают такие признаки, которые возникают на основе отношения говорящего к лицам, предметам и явлениям» [там же]. Ср. также общую характе-

ристику *местоимений* как части речи: это «лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к конкретному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип соотношенности слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус)» [Крылов, Падучева 2002: 294–295]. Именно поэтому словари трактуют слово *самый* в основном через употребление¹, ср.: «1. Употребляется при указательных местоимениях “тот”, “этот” для их уточнения в значении: именно, как раз. *В эту самую минуту...*; *Даша играла ту самую сонату...*» (здесь и далее в цитатах выделения авторские. – С. С.) – и т. д. [МАС 1988: 25–26]. С таким типом значения связано и то обстоятельство, что местоимение *самый* употребляется почти исключительно в устойчивых (связанных) сочетаниях (*тем самым, он самый*) и в значительной части своих употреблений выступает как результат процессов грамматикализации (*самый добрый*), идиоматизации (*по самую шею*) или прагматикализации (*он это самое не вполне здоров*) (см. подробнее о веерной шкале переходности² для слова *самый*: [Сунь Сяоли 2021]). При этом часто слово *самый* является не обязательным, а факультативным компонентом таких устойчивых сочетаний (УС), что отмечается уже и в словарных фиксациях.

В словарях факультативные компоненты УС указываются обычно в круглых скобках. В отличие от вариативности, которая может быть свойственна каждому компоненту УС и не ведет к количественным изменениям в его составе, факультативность охватывает лишь отдельные компоненты и иногда вызывает количественное изменение сочетания [Рублева 2004: 134]. Принципы отбора УС (измерительные признаки и показатели) в словарях могут быть различны, поэтому неудивительно, что словари иногда дают разные описания одного и того же зафиксированного УС. Более того, словарные дефиниции устойчивых сочетаний не всегда совпадают с их реальным употреблением в устной речи, где «при ближайшем рассмотрении можно увидеть не только девиантность, отклонение от общепринятых языковых норм, но и просто другую организацию дискурса, другие единицы и другие правила их функционирования – фактически другой словарь и другую грамматику» [Богданова-Бегларян 2016: 26].

Исследовательское внимание в настоящей статье сосредоточено на употреблении слова *самый* как факультативного компонента устойчивых сочетаний в современном русском языке и речи. В работе предлагаются когнитивные подходы к описанию функционирования данной

единицы, чтобы выявить – на основе количественного и качественного анализа материала – сходства и различия структурных вариантов УС, включающих данный компонент.

Источники материала исследования

Источником *материала* для настоящего исследования стали различные словари, которые можно разделить на несколько групп:

1. Фразеологические словари: «Учебный фразеологический словарь» [Быстрова и др. 1997], «Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии» [Кузьмич 2000], «Большой фразеологический словарь русского языка» [Телия 2006], «Фразеологический словарь русского литературного языка» [Федоров 2008].

2. Толковые словари: «Словарь русского языка в четырех томах» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС 1985–1988]; «Толковый словарь русского языка» [Ожегов, Шведова 1992], «Новый словарь русского языка. Толково-образовательный» [Ефремова 2000].

3. Словари разговорного языка: «Живая речь. Словарь разговорных выражений» [Белянин, Бутенко 1994], «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004].

4. «Большой словарь русских поговорок» [Мокиенко, Никитина 2007].

5. «Пословицы русского народа» [Даль 1989].

6. «Словарь синонимов ASIS» [Тришин 2013].

7. Русский Викисловарь [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>].

Кроме словарей, к анализу привлекался материал устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) [<http://www.rus-corpora.ru/>].

Модели устойчивых сочетаний с компонентом *самый*

Поиск по словарям позволил выявить 107 УС со словом *самый*, которые и составили пользовательский подкорпус (ПП) настоящего исследования. В ПП вошли 24 пословицы/поговорки (*Из тех же господ, только самый испод*), одна перифраза (*представительница самой древней профессии*) и 82 идиомы/фразеологизма (*до самого / по самое некуда; самый что ни на есть*). Весь материал удалось описать с помощью следующих восьми моделей:

- 1) САМЫЙ + существительное (*в (самом) прыску; в самый раз*);
- 2) САМЫЙ + прилагательное (*с самой высокой трибуны; самое большее/большое*);
- 3) САМЫЙ + наречие (*до самого/по самое некуда; до самого нельзя*);
- 4) САМЫЙ + глагол (*по самое не балуй(ся); по самое не хочу*);

- 5) САМЫЙ + местоимение-существительное (*самое оно/то*);
- 6) САМЫЙ + идиома (*самый что ни на есть*);
- 7) САМЫЙ + междометие (*наклась по самое покорно благодарю*);

- 8) указательное местоимение + САМЫЙ + существительное (*тем самым; то же самое; тот самый случай*).

Количественное соотношение выделенных разрядов УС в пользовательском подкорпусе представлено на рис. 1.

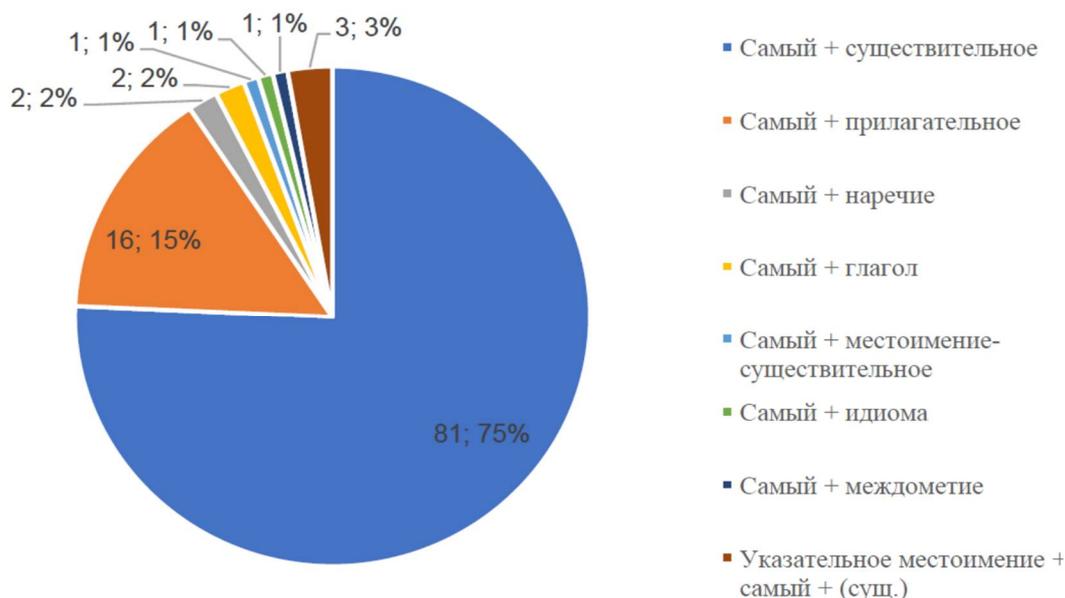

Рис. 1. Количественное соотношение выделенных разрядов устойчивых сочетаний в материале исследования
Fig. 1. The Proportions of the Identified Categories of Set Expressions in the Material of Research

Из рис. 1 видно, что бóльшая часть УС со словом *самый* включает в свой состав имя существительное (75,7%). Достаточно много в ПП оказалось и УС с именем прилагательным (15,0%). Остальные модели представлены единичными примерами. Видно также, что во всех случаях процессу идиоматизации сопутствует грамматикализация. Например, в сочетании с качественным прилагательным местоимение *самый* начинает функционировать как компонент формы превосходной степени (суперлатива), фактически как формообразующая частица (*грамматикализация*)³, и лишь затем все выражение подвергается еще и *идиоматизации*, ср.: *самое позднее* = ‘о конечном сроке совершения какого-л. действия’ [МАС 1987: 238], *самое плёвое дело* – ‘о чем-то не требующем большого труда, легко исполнимом; нехитром, простом’ [МАС 1987: 138]. В остальных случаях оба процесса происходят практически одновременно и слово *самый* становится компонентом УС, функционирующего в русском языке чаще всего в роли наречия или предиката, ср.: *в самом соку* = ‘в самом расцвете физических сил’ [МАС 1988: 187]; (*попасть*) *в самую точку* = ‘догадаться

сделать или сказать именно то, что нужно; угадать”⁴ [там же: 392].

Практически во всех предложенных моделях слово *самый* выступает в функции *интенсификатора*. В составе суперлатива это полностью соответствует грамматике данной формы (превосходная степень качества), в остальных случаях можно говорить о «таких функционально-семантических операциях, как акцентирование (подчеркивание), усиление, выделение, полнота, градация (обычно высокая степень), обобщение, оценка» [Лекант 2011: 74].

На рис. 2 представлено количественное соотношение выявленных УС, в составе которых *самый* (по данным словарей) является обязательным или факультативным компонентом.

Видно, что в качестве обязательного компонента УС слово *самый* выступает в 2,1 раза чаще, чем в качестве факультативного. Последние случаи, тем не менее, вызывают особый лингвистический интерес. Здесь нужно подчеркнуть, что факультативные компоненты не меняют лексико-грамматической характеристики УС и не нарушают его структурно-семантической целостности [Ван Ливэнь 2015: 92].

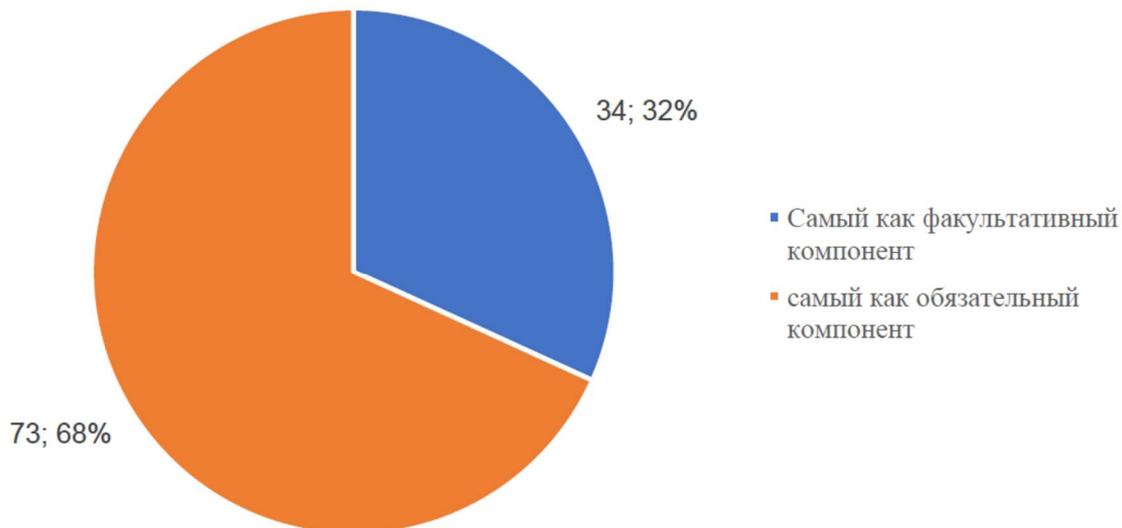

Рис. 2. Соотношение факультативных и обязательных употреблений компонента *самый* в составе устойчивых сочетаний
 Fig. 2. The Proportions of Optional and Obligatory Usages of the Component *Samyj* in Set Expressions

Так, в словарях есть два устойчивых выражения: *в аккурат* и *в самый аккурат*, которые имеют совсем разные значения:

- 1) *Угощение вышло в самый аккурат. На столе стоял гранёный графинчик мутновато-синей самогонки, да рядом в тарелке был нарезан пирог с калиной* (прост. 'своевременно, в подходящий момент; в самый раз') [Федоров 2008: 14];
- 2) *В аккурат перед наступлением был я в разведке* (прост. 'то же, что аккурат', т. е. 'точно, как раз' [МАС 1985: 29].

Очевидно, что слово *самый* оказало влияние на семантическую целостность УС *в самый аккурат*, т. е. *самый* здесь – обязательный компонент. Форма-идиома⁵ *в аккурат* – это совсем другое УС, отличное от *в самый аккурат*. Поэтому *в самый аккурат* в настоящем исследовании отнесено к группе из 73 УС, в которых *самый* является обязательным компонентом.

Те 34 устойчивых сочетания, где *самый* является факультативным компонентом, включают в себя 4 УС типа <*самый* + прилагательное>: (*самое*) *плёвое дело*, (*самое*) *последнее дело*, *в (самом) чёрном виде*, *до (самой) последней минуты*. В первых трех УС с помощью формообразующей частицы *самый* выражается, как уже отмечалось выше, высокая степень качества, которая присуща какому-либо «предмету». Без *самый* вышеуказанные УС лишаются значения высокой степени качества, но остаются устойчивыми, поэтому здесь *самый*, вне всякого сомнения, представляет собой полноценный факультативный компонент. В последнем УС *до (самой) последней минуты* слово *самый* в сочетании «с относи-

тельными прилагательными, определяющими временные и пространственные признаки, указывает на крайний предел признака» [МАС 1988: 26]. Здесь слово *последний* значит 'такой, за которым не следуют другие, находящийся в самом конце ряда каких-л. предметов, явлений и т. п.' [МАС 1987: 316], оно усиливает семантику прилагательного *последний*, поэтому может быть опущено в употреблении.

В остальных 30 УС факультативность компонента *самый* определяется по-разному в различных словарях. Все эти устойчивые сочетания относятся к подгруппе *идиом/фразеологизмов* и к разряду <*самый* + существительное>. В литературе отмечается, что такие единицы «нередко <...> имеют формальные варианты и т. н. факультативные компоненты» [Рублева 2004: 133]. На следующем этапе настоящего исследования были использованы МАС и устный подкорпус Национального корпуса русского языка в качестве инструментов для проверки факультативности компонента *самый* во всех 30 рассматриваемых УС.

Проверка факультативности компонента *самый* в составе исследуемых устойчивых сочетаний по МАС

МАС – академический четырехтомный толковый словарь, один из наиболее авторитетных нормативных словарей современного русского литературного языка. На базе МАС была проведена проверка факультативности компонента *самый* в исследуемых УС, чтобы выявить сходства и отличия от данных пользовательского подкорпуса. Результаты проверки представлены на рис. 3.

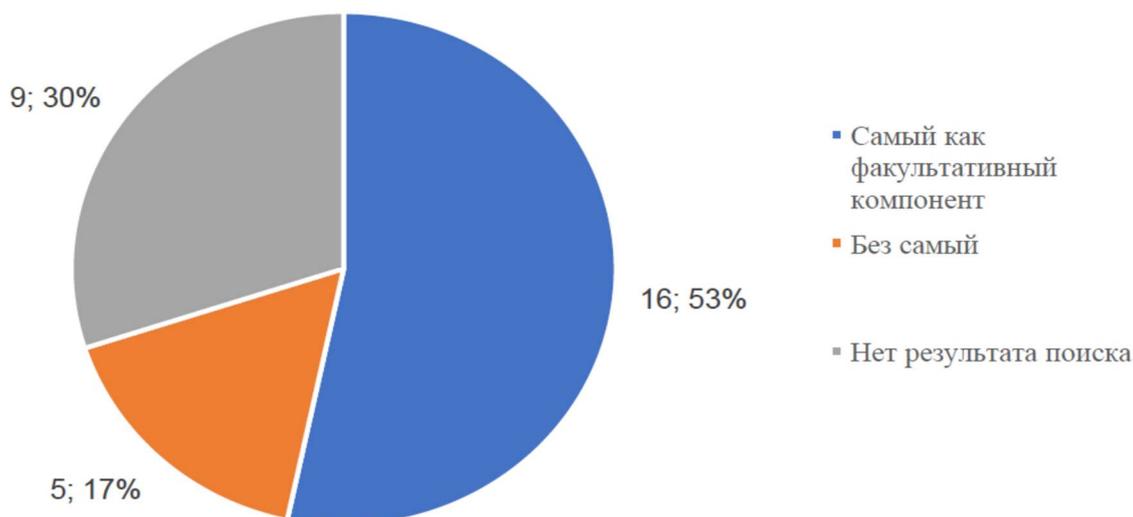

Рис. 3. Факультативность компонента *самый* в составе исследуемых устойчивых сочетаний по МАС
 Fig. 3. Optionality of the Component *Samyj* in the Studied Set Expressions According to the Small Academic Dictionary

Из рис. 3 видно, что 9 УС из ПП (30 %) вообще не найдены в МАС: *в (самую) пропорцию/пропорцию, в (самом) прыску, до (самых) потрохов, до (самого) последу, на (всю, самую) пяту, по (самую) шею, в (самое) яблочко, в (самую) тютельку, взять/брать под (самый) корень*. Они попали в ПП из словарей фразеологизмов, поговорок и синонимов.

Однако в МАС удалось найти фразеологизмы *тютелька в тютельку* ('точь-в-точь, совершенно точно') [МАС 1988: 435] и *подорвать (подрубить, подкосить, подсечь) под корень* ('подорвать самое основание чего-л.; причинить непоправимый вред') [МАС 1986: 103], которые по составу приближаются к фразеологизмам из ПП *в (самую) тютельку (разг. экспр. 'очень точно')* [Федоров 2008: 694] и *взять/брать под (самый) корень (прост. экспр. 'полностью, целиком переустраивать на новый лад кого-либо')* [Федоров 2008: 694: 45]. Видно, что первые две единицы (*тютелька в тютельку* и *в (самую) тютельку*) очень близки по значению, но различаются по выражению степени точности действия, причем различие это создается именно интенсификатором *самый*. Вторые две единицы (*подорвать (подрубить, подкосить, подсечь) под корень* и *взять/брать под (самый) корень*) существенно отличаются друг от друга по смыслу, причем это различие создается, скорее, глаголами, а не компонентом *самый*.

Из оставшихся 21 УС 16 единиц пользовательского подкорпуса (53 %) полностью подтвердились данными МАС, т. е. в них *самый* является факультативным компонентом. Однако два из этих 14 УС все же отличаются от других своим описанием в МАС: *до (самого) конца* и

в (самую) меру. В МАС даны соответствующие формы без *самый*: *до конца* [МАС 1986: 89] и *в меру* [там же: 252]. По количественным данным⁶, соотношение в МАС единиц *до конца* и *до самого конца* – 254:1, а *в меру* и *в самую меру* – 31:1. См. единственные примеры употребления УС *до самого конца* и *в самую меру*, приведенные в МАС:

- 3) [Рылеев] *подчинил все свое творчество революционной идее. Гражданственность стала его музой, которой он не изменил до самого конца своего краткого литературного пути*. Вс. Рождественский. В созвездии Пушкина (в словарной статье на слово *гражданственность* [МАС 1985: 342]);
- 4) *На похоронах Пелагея Петровна поплакала в самую меру, отпустив слез и причитаний ровно столько, сколько требовалось* (в словарной статье на слово *самый* [МАС 1988: 26]).

Известно, что частотность «служит показателем активности и пассивности лексем и устойчивых словесных комплексов» [Глинкина 2011: 10]. По полученным в настоящем исследовании данным видно, что единицы *до самого конца* и *в самую меру* относятся к низкочастотным УС по сравнению с формами *до конца* и *в меру*, т. е. *самый* в их составе является действительно факультативным компонентом, который редко употребляется в современном русском языке.

Наконец, в МАС нашлось 5 УС (17 %) без компонента *самый*, что полностью отличается от данных ПП: *в зародыше, не в бровь, а (прямо) в глаз, по горло, попадать/попасть в жилку, с головы до ног*. Впрочем, функцию интенсификатора в одном из этих выражений выполняет усили-

тельная частица *прямо* (см. о ней: [МАС 1987: 551]): вместо *не в бровь, а в (самый) глаз* МАС дает другой вариант: *не в бровь, а (прямо) в глаз* [МАС 1985: 116], и этот интенсификатор тоже, судя по скобкам, является факультативным.

Проверка факультативности компонента *самый* в составе исследуемых устойчивых сочетаний по устному подкорпусу НКРЯ

Национальный корпус русского языка является крупнейшим русскоязычным контентом, который включает в себя не только письменные, но и устные тексты. В устном подкорпусе (УП) НКРЯ есть расшифровки записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов (см. подробнее: [https://ruscorpora.ru/new/corpora-intro.html]). «Основными характеристиками разговорной речи, которые обеспечивают ее синтаксическое, семантическое, а также морфологическое своеобразие, являются ее спонтанность, неподготовленность, а также невоспро-

изводимость» [Гришина 2007: 147]. Однако публичная речь – это речь устного выступления, которой присущи многие черты как устной, так и письменной речи. Публичная речь редко бывает неподготовленной. Речь кино носит «квазиспонтанный» характер [Горшкова 2006: 19], являясь лишь «приближенным отображением спонтанного разговора» [Vubel 2006: 60]; кинодиалог не только не вполне спонтанен и подготовлен, но и принципиально воспроизводим [Гришина 2007: 147], из чего можно заключить, что речь кино – это лишь «имитация устной речи» [Капанадзе 2005: 230]. Поэтому очевидно, что рассматривать эти типы речи в одном ряду не совсем правомерно. Устная бытовая речь носителей языка должна быть самостоятельным объектом исследования, что мы и попытаемся сделать ниже. Тем не менее начнем с результатов проверки в целом по УП НКРЯ – они представлены на рис. 4.

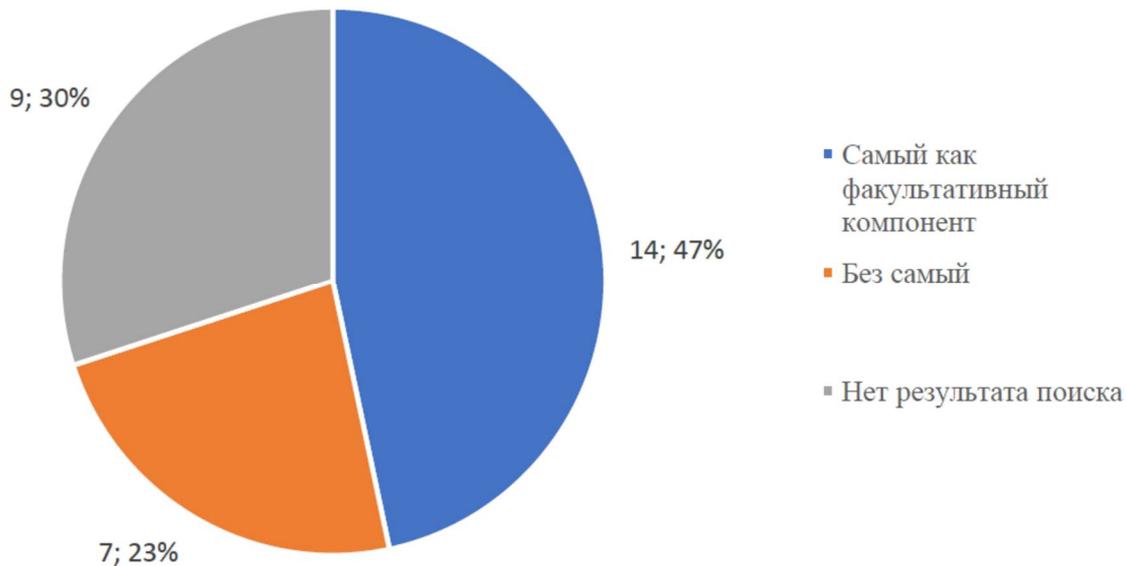

Рис. 4. Факультативность компонента *самый* в составе исследуемых устойчивых сочетаний по УП НКРЯ

Fig. 4. Optionality of the Component *Samyj* in the Studied Set Expressions According to the Corpus of Spoken Russian of the Russian National Corpus

Поиск по корпусу показал, что 9 устойчивых сочетаний из ПП настоящего исследования (30 %) в УП отсутствуют: *в (самом) соку, в (самую) препорцию/пропорцию, в (самом) прыску, до (самых) потрохов, до (самого) последу, на (всю самую) пята, попадать/попасть в (самую) жилку, взять/брать под (самый) корень, на (самом) юру*. Еще 7 УС (23 %) имеют в УП только форму без компонента *самый*, ср.:

- 5) *Ни своего отца и матери / если только он ещё на поре лет / и тело его было бы выброшено на съедение птицам и зверям степным* [Н. В. Гоголь. Вий (исп. Б. А. Ба-

бочкин) (1841–1961). // URL: <http://staroe-radio.ru/audio/2254>];

- 6) *Вот в частности / я был уязвлен просто не в бровь / а в глаз / изречением Андрея Кураева таким / что / как правило / те / кто наезжают на предование в православной церкви / сразу же без перехода начинают безумно восхищаться и хвалить буддистские обряды* [С. Калугин. Ответ С. Калугина на вопрос об Андрее Кураеве (1998) // Из коллекции НКРЯ];
- 7) *Хоть голубых / хоть розовеньких в полочку / хоть серых в яблочко / пожалуй-*

- ста! [В. Катаев, Г. Александров, Е. Петров, И. Ильф. Цирк, к/ф (1936)];
- 8) *Если это верно и по существу / мы ваши с головы до ног* [А. Эйрамджан, Г. Бержанов. Где находится нофелет? к/ф (1987)];
- 9) *Там была война / экономика в упадке / живут в изоляции и здесь хоть в пору клич кинуть* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2000) // Фонд «Общественное мнение»];
- 10) *Эмирсон здесь сторожит / не даёт / не даёт / перекрывает всё в середине поля / э... наши атаки пытается в зародыше убить* [В. Гусев. Спортивный репортаж: футбол. Россия – Бразилия. Товарищеский матч. 01.03.2006. (2006) // «Первый канал», прямой эфир];
- 11) *Пусть в следующий раз сам лезет... по шею... в говно!* [А. Смирнова, А. Учитель. Прогулка, к/ф (2003)].

В отличие от вариативной формы *на/в поре*, которую дают словари, в устном подкорпусе совсем не нашлось вхождений формы *в поре*. Существует только один пример формы *на поре (лет)* (5) в особом типе устной речи – аудиокниге, которую можно определить как устную репрезентацию письменных текстов [Дунашова 2020: 69]. Это хорошее доказательство того, что УС *на/в поре* очень редко используется в устной речи. Из примеров (5)–(11) видно, что факультативный компонент *самый* не оказывает существенного влияния на значение упомянутых 7 УС, частотно и стабильно опускается в устной речи, что демонстрирует действие принципа «экономии речевых усилий»⁷.

Остальные 14 УС (46 %) в УП НКРЯ имеют две формы: с *самый* и без него, т. е. *самый* действительно является факультативным компонентом.

Однако анализ только бытовой речи (без публичной и речи кино) дал совершенно другой результат. Так, 4 УС из 14 в бытовой речи в корпусном материале не встретились вовсе: *в (самую) тютельку, из-под (самого) носа, на (самом) солнцепёке, в (самом) разгаре*. Еще 6 УС имеют только форму без *самый*: *перед/под носом, в меру, в точку, до смерти, наверху, на краю*. А одно УС *в (самом) низу*, наоборот, имеет форму только с компонентом *самый*, ср.:

- 12) *Представляешь / как ты спускаешься / там скорость когда в самом низу*. [Разговор о водных горках (2008) // Из коллекции НКРЯ].

В результате в бытовой речи нашлось только 3 из 14 УС, где *самый* представляет собой необязательный компонент: *по (самое) горло, до (са-*

мого) конца, с (самого) начала. Стоит отметить также, что количественное соотношение между формами *до самого конца* и *до конца* (27:5) в бытовой речи УП НКРЯ противоположно результату, который был получен на материале МАС (1:254).

Таким образом, хорошо видно, что поведение слова *самый* в реальной речи существенно отличается от того, что зафиксировано в словарях. Анализ его употребления в устной речи позволяет увидеть многообразие функциональных возможностей данной языковой единицы и в целом лексическую и грамматическую специфику русского устного дискурса.

Заключение

Статистическая категория частотности (встречаемость единицы в каком-то количестве источников с определенной частотой) может продемонстрировать количественные характеристики слов или словосочетаний в языке и речи. Проведенный анализ хорошо показал, что «жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» [Богданова 2017: 7–8]. Нередко встречается «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» [Богданова 2012: 65]. А иногда можно обнаружить несогласованность между различными словарями на основании разных принципов отбора материала. Представляется, что именно так обстоит дело с обязательностью или факультативностью компонентов устойчивых сочетаний в современном русском языке. В настоящее время можно даже поставить задачу оптимизации словарных дефиниций с учетом когнитивно необходимой информации, с фиксацией всего разнообразия употребления каждой языковой единицы в русском языке и устной речи. О стремлении современной лексикографии⁸ к такому «обновлению словарного пространства» [Богданова 2017: 7] лингвисты заговорили особенно активно с тех пор, как для нужд лингвистических исследований были созданы объемные языковые и речевые корпуса. В связи с этим формулируются даже новые задачи, которые встают перед лексикографией и лексикографами, ср.: «задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть наивную картину мира в лексических значениях и отразить ее в системе толкований» [Апресян 1995: 58]. Настоящее исследование особенностей функционирования слова *самый* в качестве факультативного компонента различных устойчивых сочетаний может помочь такому «обновлению словарного пространства» русского языка.

Примечания

¹ С учетом такой специфики местоимений удобнее всего описывать их именно в рамках *грамматики употреблений*, или модели языка, основанной на употреблении, – *usage-based theory* [Tomasello 2003; Boye, Harder 2012]. Для этого направления характерны следующие признаки: (1) наблюдения основаны на значительном, тщательно обобщенном материале; (2) наблюдения проводятся не на сконструированных автором примерах, а на материале живой речи, зафиксированной лингвистами со всеми ее особенностями; (3) материал подвергается статистической обработке, а выводы основаны не только на качественном, но и на количественном анализе [Tomasello 2003]. Возможность такого описания обеспечивает только корпусный подход к анализу материала, что и предпринято в настоящем исследовании.

² Данная шкала была построена по модели, предложенной Р. Р. Шамсутдиновой для описания природы лексемы *ничего*. Автор отмечает диффузность и синкретизм этой единицы и показывает, что «поэтапные “веерные” преобразования и есть реализация ее местоименной сущности» [Шамсутдинова 2019: 221]. Думается, что подобный подход правомерен и для описания функционирования лексемы *самый*, имеющей такую же «местоименную сущность».

³ Такую «подвижность» категорий в системе частей речи, которая наиболее ярко проявляется в «одностороннем движении» – переходе знаменательных слов в незнаменательные (служебные, формальные «структурные») (*грамматикализацию*), отмечал еще В. В. Виноградов [Виноградов 1947].

⁴ Первое словарное значение данного выражения – ‘попасть точно в цель при стрельбе, метании’ [МАС 1988: 392] – вряд ли может считаться устойчивым.

⁵ Вслед за П. А. Лекантом, относим такие «устойчивые предложно-субстантивные формы» к классу *форм-идиом* [Лекант 1965: 42] – на том основании, что «в них нельзя выделить элементы значения, внесенные предлогом и существительным. Предлог не может быть определен и как формальное слово, как носитель грамматического значения. Всем этим формы-идиомы отличаются от соответствующих свободных сочетаний предлога с существительным» [там же: 43]. Ср. также рассуждения В. В. Виноградова о росте аналитизма в русском языке: «Из грамматического слова вырастают грамматические идиоматизмы и аналитические словосочетания» [Виноградов 1947: 37]. Именно наличие таких *форм-идиом*, или *грамматических идиоматизмов*, вынуждает лишь с оговоркой считать *однослов-*

ность одним из критериев идиоматичности / фразеологичности (см. рассуждения и обзор литературы на этот счет в: [Лю Даян 2020: 58–60]).

⁶ В данной статье используется Adobe Acrobat Reader DC для поиска и ведения подсчета числа устойчивых словосочетаний в МАС в формате PDF. Adobe Acrobat Reader DC – единственное средство просмотра PDF-файлов с функциями чтения, поиска, печати и взаимодействия, поддерживающее практически все типы PDF-файлов. См. подробнее: [<https://acrobat.adobe.com/ru/acrobat/pdf-reader.html>].

⁷ В России разработка проблемы экономии речевых усилий тесно связана с лингвистической деятельностью В. А. Богородицкого. Он неоднократно указывал на «реализацию тенденции экономии речи в результате опрощения сочетаний слов и артикуляционного облегчения звуко сочетаний» [Самарин 2016: 96]. Нередко экономия речевых усилий выявляется «в компрессии знаковой системы при помощи эллипсиса» [Каптюрова 2014: 15].

⁸ Речь идет о «периоде *лексикографического ренессанса* (курсив наш. – С. С.) конца XX – начала XXI века и появления новых лексикографических технологий» – периоде, в который «закономерно возникла необходимость научного осмысления новых объектов или более углубленного исследования объектов, ранее лексикографически не описанных» [Приемышева 2020: 58].

Список словарей и других источников

- Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
- Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. 289 с.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература. 1989. Т. I. 431 с.; Т. II. 447 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. I. А–О. 1213 с.; Т. II. П–Я. 1084 с.
- МАС – Словарь русского языка в четырех томах / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык. Т. I. А – Й. 1985. 696 с.; Т. II. К – О. 1986. 736 с.; Т. III. П – Р. 1987. 752 с.; Т. IV. С – Я. 1988. 790 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.
- Кузьмич В. Б. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. М.: Зеленый век, 2000. 448 с.

Телия Е. Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2006. 784 с.

Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (дата обращения: 29.12.2020).

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: АСТ, 2008. 878 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

URL: <https://acrobat.adobe.com/ru/ru/acrobat/pdf-reader.html> (дата обращения: 20.10.2020).

URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 20.10.2020).

URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2020).

URL: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-intro.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Список литературы

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

Богданова Л. И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 65–70.

Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. науч. материалов / гл. ред. И. Л. Копылов. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 7–12.

Богданова-Бегларян Н. В. Устная спонтанная речь и разнообразие происходящих в ней процессов // Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). November 2016. Iss. III, P. 26–31.

Ван Ливэнь. Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 347 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 785 с.

Глинкина Л. А. Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 7–11.

Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино): дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006. 367 с.

Гришина Е. А. О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные тех-

нологии: труды междунар. конф. «Диалог 2007». Бекасово: РГГУ, 2007. С. 147–156.

Дунашова А. В. Десять речевых масок перевоплощенной языковой личности: просодический аспект // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. 2020. № 1. С. 67–81.

Капанадзе Л. А. Разговорная речь и киноязык // Л. А. Капанадзе. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005. С. 228–231.

Кантюрова Е. В. Современный телевизионный дискурс: экономия и избыточность речевых усилий // Научный потенциал. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии. 2014. № 3–4. С. 13–17.

Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоимение // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 294–295.

Лекант П. А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 41–43.

Лекант П. А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка: коллективная монография / под ред. П. А. Леканта. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2011. С. 130–136.

Лю Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 201 с.

Приемышева М. Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): тез. докл. Междунар. конф. (23–25 февр. 2020 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–59. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. 257 с.

Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. I. 784 с.

Самарин Д. А. Реализация принципа экономии речевых усилий в лингвистической концепции В. А. Богородицкого // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1(105). С. 96–99.

Сунь Сяоли. Слово *самый* как компонент устойчивых сочетаний в русском языке и речи // Язык и мышление в эпоху глобальных перемен: материалы Междунар. науч. конф. по когнитивной лингвистике; Нижегород. гос. линг. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2–4 июня 2021 г. Н. Новгород, 2021. В печати.

Шамсутдинова Р. Р. «Веерная» переходность местоимения *ничего* // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. науч. трудов Междунар. науч. симп. / науч. ред. В. Н. Степанов; отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 221–228.

Boye K., Harder P. A Usage-Based Theory of Grammatical Status and Grammaticalization // *Language*. 2012. № 88(1). P. 1–44.

Bubel C. The Linguistic Construction of Character Relations in TV Drama: Doing Friendship in Sex and the City. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultäten der Universität des Saarlandes. Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes, 2006. 294 p.

Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Harvard University Press, 2003. 388 p.

References

Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous Language Means]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1995. 472 p. (In Russ.)

Bogdanova L. I. Kognitivnaya informatsiya dlya tolkovykh slovarey [Cognitive information for explanatory dictionaries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2012, issue 2, pp. 65–70. (In Russ.)

Bogdanova L. I. Slovo v rechi i v slovare [A word in speech and in a dictionary]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et Vocabularium. Sbornik nauchnykh materialov* [Word and Vocabulary = Vocabulum et Vocabularium. Collection of scientific papers]. Ed. by I. L. Kopylov. Minsk, Four Quarters Publ., 2017, pp. 7–12. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. Ustnaya spontannaya rech' i raznoobrazie proiskhodyashchikh v ney protsessov [Oral spontaneous speech and the variety of processes occurring in it]. *Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)*, 2016, issue 3 (November), pp. 26–31. (In Russ.)

Wang Liwen. *Vneshnost' cheloveka kak ob"ekt obraznoy kharakteristiki v sisteme ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka*. Dis. kand. filol. nauk [Human appearance as an object of figurative characterization in the system of stable comparisons of the Russian language. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2015. 347 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Ucheb. posobie dlya vyssh. ucheb. zavedeniy [The Russian Language (Grammatical Teaching about the Word). Textbook for

institutions of higher education]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1947. 785 p. (In Russ.)

Glinkina L. A. Chastotnost' kak znachimyy registr leksikografii i frazeografii [Frequency as an important characteristic of lexicography and phraseology]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, issue 3, pp. 7–11. (In Russ.)

Gorshkova V. E. *Teoreticheskie osnovy protsessoorientirovannogo podkhoda k perevodu kinodialoga (na materiale sovremennogo frantsuzskogo kino)*. Dis. dokt. filol. nauk [Theoretical foundations of the process-oriented approach to the translation of a film dialogue (based on the material of the modern French cinema. Dr. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2006. 367 p. (In Russ.)

Grishina E. A. O markerakh razgovornoy rechi (predvaritel'noe issledovanie podkorpusa kino v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka) [On the markers of colloquial speech (preliminary study of the cinema subcorpus of the Russian National Corpus)]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoy konferentsii 'Dialog 2007'* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference 'Dialogue 2007']. Bekasovo, 2007, pp. 147–156. (In Russ.)

Dunashova A. V. Desyat' rechevykh masok perevoploshchennoy yazykovoy lichnosti: prosodicheskiy aspekt [Ten speech guises of the transformed linguistic persona: Prosodic aspect]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2020, issue 1, pp. 67–81. (In Russ.)

Kapanadze L. A. Razgovornaya rech' i kinoyazyk [Conversational speech and film language]. Kapanadze L. A. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and Meanings. Selected Works on the Russian Language]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 228–231. (In Russ.)

Kaptyurova E. V. Sovremennyy televizionnyy diskurs: ekonomiya i izbytochnost' rechevykh usilii [Modern television discourse: Speech economy and redundancy]. *Nauchnyy potentsial* [Scientific Potential], 2014, issue 3–4, pp. 13–17. (In Russ.)

Krylov S. A., Paducheva E. V. Mestoimienie [Pronoun]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopedia Publ., 2002, pp. 294–295. (In Russ.)

Lekant P. A. K voprosu o formakh-idiomakh v russkom yazyke [On idiom forms in the Russian language]. *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniya v vysshey i sredney shkole* [Issues of Phraseology and the Objectives of Studying it in Higher and

Secondary Schools]. Vologda, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1965, pp. 41–43. (In Russ.)

Lekant P. A. Sub'ektivnaya analiticheskaya kategoria intensiva v russkom yazyke [Subjective analytical category of the intensive in the Russian language]. *Analitizm v leksiko-grammaticheskoy sisteme russkogo yazyka*. Kollektivnaya monografiya [Analytism in the Lexical and Grammatical System of the Russian Language. Collective monograph]. Ed. by P. A. Lekant. Moscow, Moscow Region State University Press, 2011, pp. 130–136. (In Russ.)

Liu Dayang. *Frazeologizmy v russkoy povsednevnoy rechi: tipologiya i funkcionirovanie*. Dis. kand. filol. nauk [Phraseological units in Russian everyday speech: typology and functioning. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2020. 201 p. (In Russ.)

Priemysheva M. N. Razgovornaya leksika vs razgovornaya rech': tendentsii i problemy leksikograficheskogo opisaniya [Spoken vocabulary vs spoken language: tendencies and issues of lexicographic description]. *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadtsatye Shmelevskie chteniya)*. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (23–25 fevralya 2020 g.) [Everyday Speech as an Object of Lexicography (Thirteenth Shmelev Readings). Abstracts of the international conference (February 23–25, 2020)]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 58–59. Available at: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020). (accessed 20.10.2020). (In Russ.)

Rubleva O. L. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka: Uch. posobie* [Lexicology of the Modern Russian Language: Textbook]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2004. 257 p. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 1. 784 p. (In Russ.)

Samarin D. A. Realizatsiya printsipa ekonomii rechevykh usilij v lingvisticheskoy kontseptsii V. A. Bogoroditskogo [Implementation of the principle of speech efforts saving in the linguistic con-

cept of V. A. Bogoroditsky]. *Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, issue 1(105), pp. 96–99. (In Russ.)

Sun Xiaoli. Slovo *samyi* kak komponent ustoychivykh sochetaniy v russkom yazyke i rechi [The word *samyi* as a component of fixed collocations in the Russian language and speech]. *Yazyk i myshlenie v epokhu global'nykh peremen. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. po kognitivnoy lingvistike. Nizhegorodskiy gosudarstvennyy Lingvisticheskiy Universitet imeni N. A. Dobrolyubova. 2–4 iyunya 2021 g. (Nizhny Novgorod, Rossiya)* [Language and Thinking in the Era of Global Change. Proceedings of the International Scientific Conference on Cognitive Linguistics. Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N. A. Dobrolyubov. June 2–4, 2021. (Nizhny Novgorod, Russia)]. Nizhny Novgorod, Linguistics University of Nizhny Novgorod Press, 2021. (In print). (In Russ.)

Shamsutdinova R. R. 'Veernaya' perekhodnost' mestoimeniya *nichego* ['Fan' transitivity of the pronoun *nichego*]. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi: sb. nauchnykh trudov Mezhdunar. nauch. simp.* [Russian Grammar: Active Processes in Language and Speech: Collection of scientific papers of the International scientific symposium]. Ed. by V. N. Stepanov (scientific editor), L. V. Ukhova (senior editor). Yaroslavl, Editorial and Publishing Department of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Press, 2019, pp. 221–228. (In Russ.)

Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization. *Language*. 2012, issue 88(1), pp. 1–44. (In Eng.)

Bubel C. *The Linguistic Construction of Character Relations in TV Drama: Doing Friendship in Sex and the City*. PhD thesis. Saarbrücken, Saarland University, 2006. 294 p. (In Eng.)

Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Harvard University Press, 2003. 388 p. (In Eng.)

THE WORD ‘SAMYJ’ AS AN OPTIONAL COMPONENT OF RUSSIAN SET EXPRESSIONS

Xiaoli Sun

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. sunxiaoli_smile@163.com

SPIN-code: 7842-5088

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2319-7398>

ResearcherID: ABH-7428-2020

Submitted 19.01.2021

The article examines the functioning of the word *samyj* as an optional component of Russian set expressions. Comparison of different dictionaries sometimes reveals differences in descriptions of both individual words and set expressions. For example, a situation is possible when the optional component of a set expression present in one dictionary is absent in another one. Compare: *popadat’/popast’ v (samuju) zhilku* in the Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language → *popadat’/popast’ v zhilku* in the Small Academic Dictionary. It is not infrequent that definitions given to a set expression in dictionaries do not agree with its actual use in oral speech. A set expression can be used in colloquial speech both in its full and incomplete versions, i. e. in some cases, some component is omitted, while in others it is preserved. Many set expressions with the word *samyj* contained in dictionaries are not used at all or rarely used in everyday speech, or have forms that differ from those provided in dictionaries. In this study, we examined the optionality of the component *samyj* in set expressions in the modern Russian language and speech, with the Small Academic Dictionary and the Corpus of Spoken Russian being the tools for such examination. The Corpus of Spoken Russian, which is part of the Russian National Corpus, includes transcripts of public and private oral speech, as well as movie transcripts (‘imitation of oral speech’), but the focus of this study is on everyday oral speech. For collecting and interpreting the data, we used qualitative and quantitative analysis of the material independently and simultaneously. The cognitive approach to the study of the linguistic unit *samyj* as an optional component of set expressions can contribute to the creation of a lexicographic portrait of the word *samyj* in the Russian language/speech.

Key words: Russian oral speech; set expression; optional component; form-idiom; phraseological unit; grammaticalization, idiomatization; intensifier.